

Чистяков Михаил Борисович

Чайка

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84
М69

М69 **Михаил Борисович Ч.**
Чайка / Чистяков Михаил Борисович – М.: Книга по Требованию, 2026. –
81 с.

ISBN 978-5-521-30384-7

ISBN 978-5-521-30384-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2026

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2026

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Ч А Й К А

На одномъ изъ притоковъ Мекензіевой рѣки, недалеко отъ Медвѣжьяго озера, но гораздо сѣвернѣе его, зимовало племя эскимосовъ; по мѣстности распознать нельзя было, до того все было занесено снѣгомъ, да и самые чумы издали казались снѣжными буграми, изъ середины которыхъ торчали жерди и разносился легкій дымъ.

Эскимосы на твердой землѣ, свои чумы не совсемъ такъ устроили, какъ на безлѣсныхъ островахъ; здѣсь они себѣ сдѣлали рѣшетину изъ жердей, скрѣпивъ ихъ полосками кожъ, на рѣшетину наложили кожъ бѣлыхъ медвѣдей, тюленей, оленьи кожи; снаружи для тепла обложили чумы слоємъ снѣга и скрѣпили льдинами, чтобы вѣтромъ ихъ не сносило. Нѣкоторые еще прочнѣе устроили

свое жилище; они пришли сюда еще съ осени и потому вырыли себѣ круглое углубленіе, въ полчеловѣческаго роста, въ землѣ, и тутъ только ставили свою рѣшетину и укутывали ее кожами.

Полъ во всѣхъ чумахъ былъ земляной, но для теплоты устланъ оленьими и медвѣжьими мѣхами. По срединѣ чума былъ очагъ, т.-е. большая площадка, выложенная камнемъ, но вмѣсто тюленьяго жира, какъ это обыкновенно бываетъ, въ этомъ кочевѣ жгли дрова, т.-е. сучья и бугроватыя приземистыя сосны, попадающіяся въ этой мѣстности.

Постелей въ чумахъ не было, но вдоль стѣнъ, увѣшанныхъ кожами, положены были тоже мѣха и кожи разныхъ животныхъ, преимущественно мускусовыхъ быковъ и оленей.

Никакихъ украшеній, кромѣ луковъ, копій, пука стрѣлъ и сбруи для собакъ, въ чумахъ не было; одежды, кромѣ той, какая надѣта была на жителей, кажется, тоже не припасено было; но за то кожъ и мѣховъ лежали цѣлые ворохи.

Войдемъ въ одинъ, самый большой чумъ: на самой срединѣ, на очагъ, горитъ огонь; дымъ, извиваясь, ходитъ по хижинѣ и уходитъ въ среднее отверстіе въ потолокъ; чтобы не дуло изъ дверей, которыя замѣнялъ двойной пологъ изъ оленьихъ

кожъ съ шерстью, снаружи. къ нимъ велъ коридоръ, продѣланный въ землѣ и постепенно выходящій наружу. Въ чумѣ вокругъ огня сидѣло челоуѣкъ десять взрослыхъ, все члены семейства. Къ потолку, надъ дымомъ на жердяхъ привѣшена была рыба, куски оленины, мясо бѣлыхъ медвѣдей и другихъ животныхъ, всякое, какое попадалось; эскимосы не разборчивы, они ѣдятъ все, не только свѣжее, но и прогорклое, полуиспорченное

Эскимосское семейство одѣто было въ однообразные костюмы изъ оленьихъ кожъ; зимою, какъ дома, такъ и на дворѣ, домашняя одежда только тѣмъ отличалась, что голова была не покрыта и снятъ верхній медвѣжій пологъ, въ который иногда закутываются, въ особенно холодное время. Всѣ сидѣли на землѣ вокругъ огня; по костюму нельзя было мужчинъ отличить отъ женщинъ, только лица у женщинъ были повѣжнѣе и черные волосы подлиннѣе, да еще по занятіямъ можно было догадаться, которая женщина. Мужчины или стругали себѣ стрѣлы, или навязывали на нихъ наконечники, или сглаживали и оттачивали копья. Женщины по большей части шивали мѣха, или выдѣлывали ихъ, т.-е. мяти и вытягивали полувывѣланныя кожи, скоблили ихъ и придавали имъ форму, какая имъ была нужна.

Одна старуха, совсѣмъ сморщенная, сторбленая и сѣдая, дрожащими руками помѣшивала въ котлѣ, висѣвшемъ на огнѣ. Для всякаго европейца запахъ, распространявшійся по чуму отъ варева, казался бы несноснымъ; но для эскимоса онъ былъ пріятенъ, потому что всѣ голодные съ нетерпѣніемъ дожидались своей порціи; двое дѣтей, четырехъ и пяти лѣтъ, почти совершенно нагія, возились съ двумя собаками, служившими для дѣтей друзьями, няньками и игрушками, а для взрослыхъ упряжнымъ скотомъ. Онѣ тоже по временамъ, отдѣляваясь отъ дѣтскихъ ласкъ и мученій, съ жадностью смотрѣли на котель и обнюхивали корытце, какъ будто ожидая, что кұшанье само изъ котла потечетъ въ ихъ корыто.

Въ сторонѣ отъ прочихъ, на кучѣ кожъ, сидѣла молодая женщина и съ любовью смотрѣла на уснувшее на рукахъ ея трехмѣсячное дитя; у ногъ женщины лежала тоже одна изъ собакъ, некрасивая, но сильная и мохнатая; она повидимому очень привязана была къ женщинѣ, потому что, по примѣру остальныхъ собакъ, не посматривала на котель, а, напротивъ, или лежала, положивъ голову на лапы, или взглядывала на молодую хозяйку. Чайка, такъ звали молодую женщину, была между эскимосками настоящая красавица: лицо

ея было широко; плоско, глаза лежали косо, все какъ слѣдуетъ, но глаза были больше, чѣмъ у ея соотечественницъ, и горѣли, какъ два угля, губы не такъ толсты, лобъ хотя и широкій, однако форма его и носа красивѣе, но главное—лицо молодое, нѣжное, съ выраженіемъ кротости и безпредѣльной любви къ сыну; она вся погрузилась въ созерцаніе спящаго желтолицаго малютки, и черные, длинные волнистые волосы матери, рассыпавшись по плечамъ ея, какъ бы пологомъ закрыли спящаго младенца. Костюмъ Чайки былъ изящнѣе, чѣмъ у остальныхъ: по швамъ онъ былъ выложенъ краснымъ сукномъ, а кругомъ опущенъ дорогимъ лисьимъ мѣхомъ. Одѣяльце сына ея было изъ мягкой кожи молодого оленя и опущено тоже лисьимъ мѣхомъ.

Молодая женщина была дочь старшины, охотника, извѣстнаго своими удачами и потому часто входившаго въ сношенія съ европейцами для того, чтобы продавать имъ кожи мускусовыхъ барановъ или быковъ, тюленьи кожи, мѣха песцовъ, чернобурыхъ лисицъ и медвѣдей; въ обмѣнъ получалъ онъ порохъ и дробь (у него было ружье), красного и синяго сукна для отдѣлки платья изъ оленьихъ кожъ. Чайка, несмотря на то, что выросла въ довольствѣ, въ богатой семьѣ, все-таки приучена

была ко всѣмъ работамъ и, вышедши замужъ за молодого эскимоса, была ему вѣрной и трудолюбивой подругой; она не отставала отъ него ни на охотѣ, ни на рыбной ловлѣ; теперь мужъ ея одинъ ушелъ на охоту и оставилъ ее въ чумѣ, потому что у нея былъ маленькій сынъ, Голубь, нуждавшійся въ постоянныхъ заботахъ ея материнской любви.

Обѣдъ поспѣлъ, старуха сняла котелъ съ огня, поставила его на полъ и подала нѣсколько ложекъ и палочекъ для того, чтобы доставать изъ котла куски тюленьяго мяса. Вся семья стѣснилась вокругъ котла; маленькимъ дѣтямъ отлили варева въ юрытце и положили имъ ихъ долю мяса.

— Чайка, положи Голубя и ступай ѣсть, — сказалъ старикъ, отецъ ея мужа. Чайка положила сына на мѣхъ и подошла къ остальнымъ.

— Кушай, Чайка, — сказала старуха, — кушай за двоихъ, за себя и за мужа, да и на долю сына прихвати.

— Спасибо, матушка, но мнѣ ѣсть не хочется, что-то сердце ноетъ, не случилось бы чего съ Камнемъ.

Такъ звали ея мужа; надобно замѣтить, что эскимосы своимъ дѣтямъ, по большей части, даютъ имена вещей. Когда дитя родится, отецъ выходитъ

изъ чума и первый предметъ, обратившій на себя его вниманіе или попавшійся ему на глаза, даетъ названіе новорожденному. Вотъ и объясненіе, почему у эскимосовъ попадаются такіа странныя названія, какъ чайка, голубъ, камень, собака, олень и т. д.

— Сердце вѣщунъ,—задумчиво отвѣчала старуха,—но не всегда вѣрный; не всегда его трепеть и тоска несутъ за собою несчастье.

— Камень проворенъ и ловокъ, онъ нашъ лучший охотникъ, что съ нимъ случится? онъ давно уже наслѣдилъ медвѣдя и, вѣрно, принесетъ намъ его кожу и укажетъ, гдѣ лежитъ мясо.

— Хорошо, еслибъ охота была прибыльная,—дамѣтила старуха,—а то припасы наши приходятъ къ концу. Сегодня я сварила послѣдній кусокъ мороженаго тюленя, да вотъ на жердяхъ осталось немного рыбы да оленины и медвѣжатины; если ничего не попадется и мы все поѣдимъ, то ни самимъ, ни собакамъ нечего будетъ перекусить.

— Не дай намъ богъ дойти до такой бѣды,—печально сказала Чайка,—набожно взглянувъ на грубо сдѣланнаго истукана, поставленнаго на возвышеніи прямо противъ входа. Когда Камень вернется, мы съ нимъ пойдемъ, сдѣлаемъ прорубь и посмотримъ: не поймаемъ ли какой рыбы.

— Хорошо, коли сынъ твой будетъ здоровъ, да Камень съ собою возьметъ, — замѣтилъ старикъ. — Эхъ, времена теперь не тѣ; то ли дѣло въ мои молодые годы — всего было вдоволь.

— Ну, старину тебѣ, Батюшка, легко хвалить, — замѣтила Чайка, отдавая собакѣ свою долю варева. — Насъ тогда на свѣтѣ не было, мы и не можемъ сказать, много ли, мало ли тогда было дичи.

— Да, вся нынѣшняя молодежь такъ разсуждаетъ, а куда-какъ не права! Въ тѣ годы, когда волосы у меня были черные, какъ у сына, когда рука моя была тверда, не знала промаха, когда нога не уставала и была прытка, тогда мы не ѣдали такого старого мяса, какъ сегодняшнее, и ни одна изъ нашихъ женщинъ своей доли не отдавала собакамъ, какъ ты, Чайка; все съѣдали до капли, потому что все было душисто и вкусно.

— Батюшка, я свою долю отдала Звѣрю не оттого, что кушанье не вкусно, а оттого, что мнѣ ѣсть не хочется; мнѣ грустно, сердце такъ и рвется и ноетъ, какъ моя птица мечется въ бурю. Чую я, съ кѣмъ-нибудь изъ насъ да случится бѣда! Лучше со мною, чѣмъ съ Камнемъ, съ Голубемъ или съ кѣмъ-нибудь изъ васъ.

— Можетъ быть и такъ, — сказалъ старикъ,

оканчивая ѣду, — но и кушанье не вкусное, нечего грѣха таить; не такъ бывало въ старину!..

— Батюшка, ты все старое время хвалишь, да чѣмъ оно лучше нашего? — сказалъ молодой эскимось, младшій сынъ старика и его любимецъ.

— Молодъ ты, Ремень, ничего не знаешь, оттого и говоришь; время было лучше тѣмъ, что всякаго звѣря было много; какой холодъ бывало ни'стоитъ на дворѣ, а мы, какъ только нѣтъ метели, подвяжемъ лыжи, аль запряжемъ собакъ и ѣдемъ на поиски, и чуть гдѣ запрямитъ бугорокъ съ острой вершинкой, прислоненный къ горѣ, или къ камню, или къ песчаному обрыву, ужъ мы знаемъ, кто тутъ зимуетъ, и разроемъ снѣжную берлогу бѣлаго земляка и нападѣмъ на полусоннаго дружно и убиваемъ его. Ну, случалось и онъ кого задеретъ, да это ничего, не всегда-жъ удача! А песцовъ-то, а чернобурыхъ лисицъ сколько было! Волковъ иногда били десятками, про оленей и рыбу всякую говорить нечего! бывало въ охотничью пору набьемъ столько, что запасаемся на цѣлую зиму. А тюленей весною и лѣтомъ бей-не хочу!.. Но главное, бѣлыхъ людей не видать было, не приходили они насъ смущать, не приносили своего жидкаго огня, не спаивали нашихъ охотниковъ; а

теперь бѣлый человѣкъ вездѣ хозяиномъ сталъ; плохія времена!..

— Бѣлыхъ не за что бранить, — началъ Ремень, — отъ бѣлыхъ намъ много пользы! Бѣлые намъ показали употребленіе ружья, у многихъ изъ нашихъ есть ружья, хотъ бы у Камня; не будь у него ружья, не пошелъ бы онъ на охоту; отъ бѣлыхъ мы получили ножи, красное сукно, которыми оторачиваемъ свою одежду; не будь бѣлыхъ, не было бы у насъ всего этого и пришлось бы намъ рѣзать каменными ножами и шить рыбьими костями.

— Это правда: польза отъ бѣлыхъ есть кое-какая, но вреда больше; бѣлые виноваты, что дичь вывелась, что на насъ явились всякія болѣзни, о какихъ прежде и помину не было.

— Не понимаю, чѣмъ же бѣлые виноваты въ томъ, что дичь вывелась? — спросилъ Ремень.

— А тѣмъ виноваты, что скупаютъ у насъ мѣха, даютъ за нихъ свою отвратительную водку, спаиваютъ нашихъ охотниковъ, тѣ пристращаются къ жидкому огню и, чтобы добыть его, отыскиваютъ звѣря и для мѣха истребляютъ его зря; а прежде, бывало, били только немного, не больше того, сколько для ежедневнаго пропитанія нужно, мяса не бросали посреди лѣса или тундры, какъ